

САША

День. Лето. Парк. Берег реки. Андрей и Павел, оба выпившие, Андрей более пьяный.

Андрей. Павлик, я за вас, за тебя, за Сашку свою, я любому глотку перегрызу.

Павел. *(улыбается снисходительно)* Спасибо.

Андрей. Это без базара.

Павел. А я нет... Я, Андрик, могу кинуть. Не знаю, как тебе объяснить. Ну просто я чувствую, бывает такой момент наступает, что уже с человеком этим нечего делать. Ты его знаешь всего, с ним не интересно. Двигаться надо, всегда надо двигаться вперёд. Нельзя останавливаться, понимаешь меня?

Андрей. Ну так...

У Андрея звонит телефон.

Павел. Если это моя, я не буду говорить.

Андрей. *(говорит по телефону)* Да, Мыша?.. А стоим тут с Павликом, о жизни беседуем. ... Ай, Мыша, не бухти, не будь ты уже как мамка твоя. ... Конечно, к нам поедет, куда он уже денется с подводной лодки? ... «Не пойдёт, так поедя!»

Павел. Это удобно, спроси?

Андрей. Да, Мыша, пока. *(убирает телефон)*

Павел. К вам поеду, я не знаю.

Андрей. Ой, только не надо этого.

Павел. А может, вы захотите...

Андрей. Кто? Семь лет совместного стажа, один год за два, ё-моё, пошли!

Павел. Как поедем, как к тебе удобнее отсюда?

Андрей. На метро, конечно!

День. Лето. Станция метро. Лежат две мокрых половых тряпки.

Андрей. *(берёт тряпку)* Давай. *(моет станцию)* Ты одну, я вторую, давай.

Павел. Давай.

Моют станцию.

Павел. Давай я пойду дальше, а ты лестницу мой.

Андрей. *(смеётся)* Ой, сука, какая дурь!

Павел. Вообще!

Андрей. Это кому сказать, два придурка, лестницу мыли на станции!

Павел. Перформанс, Андрик!

Незаметно подходит милиционер.

Милиционер. (к Павлу) Рюкзак. (указывает на рюкзак Павла)

Павел. Что - рюкзак?

Андрей. Командир, мы тут эта, нам зачёт надо по физкультуре.

Милиционер. (к Павлу) Дайте мне ваш рюкзак.

Андрей. Миша Лукьянчик, учитель по физкультуре, сказал станцию помыть.

Павел кидает рюкзак к ногам милиционера. Милиционер наклоняется, осматривает рюкзак. Павел, собрав слюну, высовывает язык. Слюна капает на фуражку милиционера. Тот не замечает.

Милиционер. Студенты?

Павел. Нет.

Андрей. Да. Студенты мы, надо ж как-то крутиться, а тут это, зачёт по физкультуре. Физрук говорит, придите на станцию «Пролетарская», там будут лежать две тряпки, вы прогульщики, учиться не хотите, значит, будете мыть полы. Вымоете там, всё договорено. Потом придёте ко мне.

Милиционер. Что же мне с вами делать?

Павел. Ты в какой школе вообще учился?

Милиционер. В Столбцах, а что?

Павел. Учился бы в нашей, тебя б урыли давно.

Павел и милиционер бросаются друг на друга, дерутся.

Андрей. Павлик, ты чего?.. Мужики, подвязывайте! (пытается их растянуть) Подвязывайте, сказал! (отталкивает Павла) Извини, извини, старик, все кругами!

Милиционер. (тяжело дышит, упираясь в колени) Валите отсюда, увижу...

Павел. (вырывается от Андрея, кричит) Что? Что? Посадишь меня? Посадишь ты, поясни!

Андрей. Пошли Павлик, что ты гонишь?! Пошли!

Павел. (кричит на милиционера) Что ты, блядь, к власти этой лезешь?! Ненавижу таких, как ты! Ненавижу вас!

Андрей уводит Павла, виновато морщится милиционеру. Милиционер приводит себя в порядок, внутренне успокоившись, идёт по перрону.

Вечер. Лето. Квартира Андрея и Саши. Саша сидит, вяжет. Входит Павел.

Павел. (удивлённо) Саша, ты вяжешь?

Саша. Да вот, привет Чипурин, решила дочке кофточку связать. А вы что? Дрюня мой пьяный сразу на кухню трусить пошёл?

Павел. Саша, я в тебя точно влюблюсь скоро.

Саша. (улыбается) Перестань ты, Чипурин, тоже мне удумал.

Павел. Ну а что б ты делала, скажи, если б я тебе в любви признался?

Саша. (улыбается) Когда?

Павел. (улыбается) Ну когда, вообще!..

Саша. (смеётся) Ой, Чипурин, не могу я с тебя, как скажешь что...

Павел. (улыбается) Чего?

Саша. Ну вот так, потому что ты...

Павел. Звезда, да? Или чего, Саш?..

Входит Андрей, с мобильником в руке.

Павел. Кому ты уже звонил?

Саша. Батьке?

Андрей. Всё нормально.

Саша. Что с ним?

Андрей. От Мыша, нормально-нормально.

Павел. А что с ним, случилось что-то?

Андрей. Почему?

Павел. Ну не знаю, Сашка так спросила у тебя.

Андрей. Нормально, почему? (раздевается)

Саша. Не придумывай ты уже, Чипурин.

Андрей. Любят параноики, чего нет... (остаётся в трусах и носках)

Павел (улыбается). Хоть бы постеснялся.

Саша. (улыбается) Ну, Чипурин, не говори. Вот, Дрюня, замечание тебе.

Андрей пытается поцеловать Сашу.

Саша. (уворачивается) Так, Дрюня, ну, быстро в ванну, кому сказала, носки свои снимать!

Андрей. Ой, мы с тобой сегодня устроим трахотромчик, примем душик...

Саша. Во! (выставляет фигу, улыбается) Понял!

Андрей кусает Саше пальцы.

Саша. (улыбается) Я с тобой пьяным ничего устраивать не собираюсь.

Андрей. Будешь, Мыша, будешь. Куда ты денешься.

Саша. (толкает Андрея, улыбается) Иди от меня!

Андрей. А во, Мыша! (лезет под одежду к Саше)

Павел улыбается, но ему неловко наблюдать за всем этим.

Саша. (убирает руки Андрея) Все люди, а ты вечно, как животное. Пусти.

Андрей виснет на Саше.

Андрей. Давай устроим педро... Педроманс, на столе тебя сейчас трахну, а Павлика попрошу, снимет, а, Мыша?

Саша. Удумал, иди спи уже!

Андрей ложится на пол.

Саша. (улыбается) Чипурин, глянь на этого дурака!

Павел. Я тоже так однажды, пригласили меня в гости. Это ещё мы с бывшей женой жили...

Саша. (улыбается) Так, ну...

Павел. А я с утра ничего не ел, и накидался там конкретно. Водки, вина, шампанское, смешал всего...

Саша. Ты что.

Павел. (улыбается) Вот тебе «ты что»! Ну. А у них на кухне балкон. И так мне понравился что-то линолеум на их кухне. Сажу и думаю, какой он прохладный, классный...

Саша смеётся.

Андрей. (к Саше) Ну, кого ты выбираешь?

Саша. Иди спать, Дрюня, слышишь! (к Павлу) Это Дрюня мой тоже, представляешь, Чипурин, катался на лифте...

Андрей. Ты будешь рассказывать, или я?

Павел. Чего ты, Андрик?

Андрей. Потому что сейчас расскажет!.. (к Саше) Ну, во-первых, не катался.

Саша. (растерянно) А как?

Андрей. Катался, да, туда-сюда, как придурок!

Саша. Ну ездил, я не знаю. (улыбаясь, ищет поддержки у Павла)

Андрей. (зло) Думать надо, думай, прежде чем говорить! Ляпаешь своим языком вечно «абы што»! Этот магазин, он из тебя дуру делает, опомнишься...

Саша. А из тебя тогда стройка!

Андрей. А, иди ты на хуй! (уходит)

Саша. (улыбаясь, вслед) Так, сосиски не брать!

Саше неудобно перед Павлом.

Павел. Я тобой, Саша, люблюсь, честно.

Саша. (улыбается) Ой, Чипурин!

Павел. Андрик тебя не заслуживает.

Саша. Конечно.

Павел. (улыбается) Ты звезда, он тебя недостоин. Он плохо обращается с тобой.

Саша. Ну это ещё...

Павел. Ты себя в обиду не дашь.

Саша. Конечно.

Павел. Как дела вообще?

Саша. Нормально, в магазине вот...

Павел. А я со своей поругался.

Саша. Ты что?

Павел. Да. Теперь свободный мужчина.

Саша. Чипурин, ты что?

Павел. Знакомь меня со своей Титоренко.

Саша. У Титоренко Яшка есть. Так как это, расскажи.

Павел. Нечего особо рассказывать. Будешь кофе?

Саша. Ты уже спрашивал.

Павел. Серьёзно? И что ты сказала?

Саша. Сказала - да.

Павел. Я тебе нравлюсь?

Саша. Чипурин! Перестань это!

Павел. (смеётся) Бедная Саша, я тебя скоро зашугаю совсем.

Пауза.

Саша. Вот так мы и живём.

Павел. Все семь лет?

Саша. Нет. Раньше он был хороший. Это сейчас что-то испортился.

Павел. Все точно такие же. Да... Так измени.

Саша. (отмахивается) А... Он и так сказал, разведётся со мной к сорока годам.

Павел. Мне тоже говорил.

Саша. Я плохая хозяйка, плохая мать...

Павел. У меня только один пакет.

Саша. Что ты говоришь, Чипурин?

Павел. У вас кофе есть ещё? (заваривает кофе)

Саша. Нет, чай. Ты ж купил кофе, а что?

Павел. Это я уже пьяный, Саш.

Саша. Ну тогда сейчас спать пойдём.

Павел. Опять мы вдвоём с тобой.

Саша. (улыбается) Ну да, вот так... Уже у нас с тобой это в привычку, или как это сказать.

Павел. А как хочешь. (протягивает кружку) Вот тебе, пей.

Саша. А ты? (берёт кружку)

Павел. Я чаю попью.

Саша. (улыбается) Ой, бизнесмен называется.

Павел. (улыбается) Ладно, иди спи...

Саша. (улыбается) А может, я ещё постоять хочу, кофе с тобой попить.

Павел. Можно, я тут покурю? ...Батка курит тут? (открывает окно)

Саша. Курит иногда.

Павел. Иди спи, ты выполнила уже долг хозяйки, не надо меня развлекать.

Саша. (улыбается) Кофе попью и пойду.

Павел закуривает.

Саша. Будет потом, Чипурин, голова болеть наутро.

Павел. Пофиг... Спи иди. (курит в окно)

Саша. Не гони меня.

Павел. Хочешь, расскажу тебе, что я думаю обо всём этом? (от никотина Павел опьянён)

Саша. (улыбается) Расскажи.

Павел. Ты ж сама всё видишь?

Саша. Что я вижу, Чипурин?

Павел. Хочешь, чтобы я тебе это сказал?

Смотрят друг на друга.

Саша. Ну скажи, если хочешь.

Павел. Меня нет здесь. Я не здесь должен быть.

Саша. (улыбается) А где?

Павел. Не знаю... Я кину вас, Саша. Сначала я думал, что прикипел к вам, а теперь... И ты мужа своего кидай.

Саша. И что? Что я найду?

Павел. Знаешь, что он сегодня моей сказал? Она мне звонила, я разговаривал с ней.

Саша. Ты же сказал, что телефон отключил.

Павел. Нет. Я его включил потом. Я разговаривал с ней. Она мне сказала, что Андрик ей говорил, чтоб она меня кидала и поехала с ним. Что в тридцать лет ничего не иметь, как я, это позор для мужика. Что я мудака, а ты дура.

Саша. Ты что?

Павел. Серьёзно. Надо, Саша, двигаться вперёд, дальше. Нельзя останавливаться. Бросай мужа, дочку и уезжай.

Саша. (улыбается) Ой, Чипурин, пьяный, пошли спать. (уходит)

Павел. (тихо) Саша.

Саша. Что?

Павел. Иди сюда.

Саша. Спи ты уже иди.

Павел. Ну подойди, пожалуйста.

Саша. Что?

Павел обнимает Сашу за шею и привлекает к себе.

Саша. Чипурин, ты что?

Павел отпускает Сашу.

Саша. Спи ты уже!

Саша уходит, останавливается, подходит к Павлу.

Саша. Знаешь, что он сделал?

Павел. (улыбается) Что?

Саша. В сауну соседок наших звал... Они потом ко мне подошли и говорят, что звал ваш муж в сауну с компанией отдохнуть. Зачем, это понятно, что не париться они там собирались.

Павел. Отомсти ему, переспи с кем-нибудь. (улыбается) Шучу. Откуда ты знаешь? Я не думаю, что там было бы что-то серьёзно. Твой муж, он хороший, но если честно, он никому на фиг не нужен, кроме тебя. Он больше строит из себя, что такой бабник, ай... У него кроме тебя был ещё кто-нибудь?

Саша. Ну лысая эта была.

Павел. А, ну да... Вообще не понимаю, как ты это пережила. Я бы на твоём месте...

Саша. Я...

Павел. (улыбается) Ну говори, что ты хотела сказать?

Саша. Я до сих пор вспомню, так у меня такая злость есть, он же её домой к нам приводил, да!

Павел. Он тебя не ценит совсем.

Саша. А... (отмахивается) Я для него уже так...

Павел. Я тебя хочу, Саш.

Саша. (улыбается) Чипурин, успокойся, у тебя есть твоя.

Павел. Моя, это да, и что? Тебя же я хочу всё равно. (улыбается) И знаешь, что вот интересно, я тебя хочу только когда пьяный. Трезвый – нет. А вот пьяный хочу... очень.

Саша. (улыбается) Видишь! Это не любовь.

Павел. Цэ два аш пять о аш, но почему бы и нет, откуда ты знаешь? Я когда слышу, как вы там занимаетесь с ним, у меня бешенство начинается... И знаешь, я не хочу входить.

Саша. (улыбается) Успокойся.

Павел. Я из дома ушёл, Саш, навсегда, меня больше ничего не держит, всё... Мне не нравится то, что происходит со мной, это не моя жизнь. Я хочу вспыхнуть и уйти в кураж, чтобы хоть пару дней всё сверкало вокруг, а потом можно и... (гладит Сашу по голове) Ты такая красивая, нежная. Я знаю, что тебе надо, а он так плохо обращается с тобой. (целует Сашу в плечо) Мы похожи с тобой, я хочу понять тебя. (целует в плечо) Ты ведь, Саша, для любви создана, кататься на машине, на огромной скорости, чтоб светило солнце и всё было пофиг. Я ведь чувствую в тебе это. Ты не в говне в этом должна торчать. Бедная моя девочка. (прижимает Сашу к себе, гладит по голове)

Саша. Говорит, причёска у меня плохая, надоел уже с этой причёской каждый день.

Павел. (улыбается) У тебя хорошая причёска, прекрасная, она тебе очень идёт... Поехали на море сейчас. Ты как маленькая девочка сейчас. (целует Сашины волосы) Так вся жизнь пройдёт в этой ругани, зачем? Я не хочу лично жить в этом, Саш. А ты, как спасение моё, как будто свет какой-то хоть немножко, понимаешь?

Целуются.

Саша. (отстраняется) Все, Чипурин.

Павел. (шепчет) Ты такая пьянящая. Я пьяный совсем стал.

Саша. Я тоже. Андриком...

Павел. У вас еще такое есть?

Саша. Иногда, если он мне ласковое что-нибудь говорит.

Целуются.

Павел. (отстраняется) О, нет, все. Это кажется уже далеко заходит. (Смотрит на Сашу) Нам с тобой это надо? (Привлекает ее к себе) Бедная моя девочка, ты такая красивая.

Саша. (улыбается) Пошли спать. (Отстраняется)

Павел. Мы все равно с тобой переспим, рано или поздно.

Саша. Почему?

Павел. Это неизбежно. Жизнь так устроена. Это будет висеть между нами по-любому.

Лето. День. Саша, Андрей, Свэн (Женя) сидят рядом на диване и молча смотрят телевизор.

Голос Андрея. Ну вот, а потом Свэн говорит: «Саша, сделай мне массаж». И эта дурочка ему делает.

Саша делает массаж Жене.

Голос Павла. А как Свэна зовут?

Голос Андрея. Свэн свою семью похерил, теперь за мою взялся!

Голос Павла. И зачем она?

Голос Андрея. Спроси у овцы! А еще так, короче, смешна, Свэн так: «Дрюня, ты не против, если Сашка мне массаж сделает?»

Голос Павла. А как Свэна зовут?

Голос Андрея. Женя, Женик, друг детства, Чморенок. У меня к нему отвращение на генетическом уровне развилось.

Лето. День. пляж на берегу водохранилища. Саша сидит в купальнике на скамейке. Она улыбается, наслаждается погодой. Подходит Андрей, в плавках и майке, с мороженым в руке. Андрей становится к Саше спиной, приспускает плавки.

Андрей. Вот целуй и проси прощения, говорю.

Саша безразлично целует Андрея в ягодицу.

Андрей. Вот так целуй и говори, прости меня дуру, что я так поступаю.

Саша. Что я так поступаю. (Целует) Доволен?

Андрей. (натягивает плавки) Мыша-Мыша, еще раз, и я ж не железный. Я не вынесу этого. На мороженое.

Андрей отдает Саше мороженое, та с удовольствием его ест. Подходит Григорий (около 50 лет). Одет скорее по-весеннему: ветровка, джинсы, рубашка. Хмурый, «затянутый» мужчина.

Григорий. У вас не занято?

Саша. Угу. (Ест мороженое)

Григорий садится, вынимает из кармана несколько аудиокассет, разглядывает их. Саша игнорирует Григория, улыбается, вздыхает.

Саша. Уже пора?.. Ой, ну надо рассказывать... Рано утром, в 6 часов утра, у меня творилось что-то непонятное, во мне какие-то тянущиеся монотонные боли были... Ну вот... Это были предвестники, так сказать, схваток. К обеду мы с моей подругой, Олькой, поехали в роддом... Ну, первый раз, конечно же, я еду, волнуясь. На такси ехали. Гад таксист взял с меня больше, чем положено. Ну ничего, зато с шиком доехали... Ну, мы приехали, Олька моя осталась перед приемной стоять, а я уже зашла в этот, в палату эту... Зашла, тишина... Тока где-то в конце коридора слышно ммм... Что где-то кто-то кричит... Меня посадили на стульчик, сказали подождать врача. Ну а сама медсестра смотрит мою карточку, кивает головой и больше ничего не говорит. Так я наверное прождала минут 20, пока пришла врачиха... Воот... Ну значит, я потом, а ну значит положили меня на гинекологическое кресло! Ну такая, кресло такое с подпорками для ног, если кто-то не знает... Лежу, посмотрел меня, все сказали, на 2 пальца матка открыта. Что это значит? Ну, это значит, что... что ребенок начинает как бы, то есть я в этот день как бы рожу. Ребенок продвигается. Матка раскрывается, скоро должна родить. Ну и все... Отправили меня, значит, с моими вещами. А! Забыла самое главное сказать. Клизмы! Клизму сделали мне... Ооой! Страшная, жуткая вещь. Легла я значит на бок, а мне в попу

воткнули какую-то пластмасску, ааа... Ну, ссс... с этим... умм... э... какой-то такой, ну в общем, с какой-то... (Уходит, через несколько секунд возвращается, словно ходила спрашивать) Ну какую-то штучку такую, не знаю как, в общем короче, с трубочкой такой, а трубочка была к грелке подведена. А грелка полная. Водой зали... налита. И это все как бы в меня вливается. Жутко! Мало того, что там какие-то эммм... аа... схватки эти, но хоть они и небольшие, но были такие неприятные, а тут еще одна неприятность случилась. Льют в меня это все. Фу, гадость! Больно! Но терплю, лежу, ну а что делать, сама думаю, Боже, ну скорей бы уже родить... Воот... После всей этой процедуры просидела я еще на унитазе... Ооой. Тоже показалось вечностью. Сидение мое на уни... на этом... Ну вот, и наконец-то долгожданные минуты, меня отправляют в предродовую палату. Ну а так как я в первый раз, то я думала, что меня уже отправляют в палату, в которой я буду уже находиться даже после родов. Ну все, я прихожу, выкладываю на... а в палате одна девочка... Ой, мучается, мучается бедная! Лежит, за спину хватается, по кровати крутится, все ей болит. «Мама! - кричит там. – Мамочка, мне больно!», и все остальное. Жутко. Я пришла, думаю, как ни в чем не бывало! Я полотенчикко повесила на кровать! А в палате 3 кровати. Одна вот девочка с краю самого лежала, я как бы занимаю себе место посерединке... Вот, а... а! И значит, а третья кроватка была пустая. Ну вот и все, короче говоря, я уже повесила полотенчикко на кроватку, кружечку поставила с ложечкой... минералочку выставила, ну... лежу, жду. Ну думаю, тут вот, а потом понимаю, что что-то не то. Проходит время, я понимаю, что здесь наверное все-таки не останусь, потому что очень пусто как-то. Эээ воот... Я опять все это в пакетик сложила, думаю, ну буду ждать, когда мне что скажут. Ну а ко мне только иногда прибегала медсестра. То на меня посмотрит, то эту девочку там что-то, массаж ей про... делала... эээ которая очень сильно кричала. Ну, а я все хожу по этой палате! Хожу-хожу, скучно стало! Думаю, пойду-ка я посмотрю, что там вообще на первом этаже все это дело происходило; думаю пойду посмотрю вообще, где я нахожусь. Вышла, значит эээ... а в коридорчике стоит девочка из соседней палаты, ну воот... Мы с ней познакомились, и она мне рассказывает, что она в принципе, еще должна была родить, но никак не может в общем. Уже как бы ждут, уже собираются ей вызвать как бы роды, но она отказывается, кричит что не надо! Сама рожу попозже... Ну воот. И так вот поболтали немножко о том, о сем... Ну я пошла по коридору ходить, потому что в палате лежать, слышать крики этой девочки тоже не особо мне хотелось, ту которая лежала. Ну все, хожу... вооот... слышу иногда только какие-то вопли где-то раздаются, а так в принципе в целом эээ... такая обстановка очень спокойная... Ээ вооот... Ну хожу, в окно посмотрю вот, на людей посмотрю вот, ну все, так вот ходила, потом вернулась в палату. Девочка моя эта еще больше кричит, визжит, на стенку уже начала лезть от боли. Я, а мне так, а мне так и не больно! Я и хожу себе, ну так ноет что-то у меня там внутри, да и все. Особо чтоб на стенку лезть, я еще, не хотелось мне это вот, не было такого... Ооой...

Лето. День. пляж на берегу водохранилища. Павел в плавках и Андрей в плавках и майке, вяло играют в карты. Подходит Саша в купальнике, ложится рядом с ними. Андрей сразу же переключается на нее, щекочет Сашу и тискает. Саша улыбаясь отбивается. Павел отбрасывает карты.

Андрей. (тискает Сашу) Дай сосочек... (приспускает с Саши плавки) Смотри какая попля! Умм... (кусает Сашины ягодицы)

Павел. Да-да... (устраивается, загорает)

Саша. Пусти. Пусти ты, Дрюня, дай позагорать.

Андрей отпускает Сашу

Саша. Я вот так вот лягу, можно? (Ложится головой на ногу Павлу)

Павел. (к Андрею) Майку снимай, что ты стесняешься!

Андрей. Я стесняюсь?! Божечки... (Тосует карты) Ты подумал сам, что сказал? Давай!

Павел. Надоело, не дури головы.

Андрей. А мне что делать?

Павел. Что хочешь, не знаю, загорай лежи.

Андрей. Хм...

Саша. Сюда люди, Дрюня, приезжают загорать, а ты не хочешь, тогда надо было дома оставаться сидеть. А где Женя?

Андрей. Купается твой Женя.

Павел. А у него есть с собой?

Андрей. Что, шалабас?

Павел. Ну.

Саша. Ты, Чипурин, будешь курить?

Андрей. (к Павлу) Может, я не знаю... (Ложится) А что, ты будешь?

Павел. Нет, прикольно просто раз...

Андрей. Я однажды с ними раз дунул! Так мне показалось, что меня в бетон закатали. Что я бетонный стал.

Павел смеется

Андрей. Да ну его нафиг вообще!

Павел. А ты, Саша, пробовала?

Саша. Так, один раз, одну затяжечку... Но говорят ведь, что с первого раза не берет. А! (Отмахивается) Мне так и не очень что-то.

Павел. А Свэн часто?

Саша. Ну так... Да наверное, я не знаю.

Молчат, загорают.

Андрей. Не, я так не могу! Вы так, как хотите, но я так...

Павел. И что ты, все уже?!

Андрей. Не. Я так... Это не мой вид отдыха.

Саша. Оставался бы тогда дома, в квартире убирать.

Андрей. Хм, Мыша... Или ты думаешь, что ты такая Свэну нужна будешь?

Саша молчит.

Павел. А что там у него с жонкой?

Андрей. А что там может быть? Все как было, так и есть.

Павел. Ну ты что-то рассказывал...

Андрей. Ай, Павлик!.. Ну что, ты бы тоже наверное быковал. Он ей бабки с Англии шлет, а она их профукивает. Такая же, как и моя Мыша. Правда, Мыша? Свэн приезжает сюда и узнает, что она буквально через месяц после того, как он уехал, со всеми подряд. Не с одним, а со всеми подряд!

Павел. (улыбается) Пиздец.

Андрей. (к Саше) Что ты думаешь, он на тебя от великой любви что ли кидается?

Саша. Дрюня, я тебя не слушаю. Говоришь, хоть в стену. Хочешь, говори всякую ерунду.

Андрей. Ай, Мыша...

Павел. А что он, Саша, к тебе пристаёт?

Саша. Слушай ты его!

Павел. Видишь, какая ты... (Улыбается) Все к тебе пристают.

Входит мокрый Женя, он только что искупался. Павел и Андрей смотрят на него.

Женя. Дрюня, тебе надо это сделать!

Павел. Да он не полезет никогда!.. А ты, я смотрю, Ихтиандр!

Женя игнорирует реплики Павла, склоняется над лежащей Сашей, стряхивает на нее воду.

Саша. Ой! Ой! (Смеется) Свэн, холодно!

Женя смеется, гладит Саше спину мокрыми руками.

Женя. О... О...

Павел отворачивается, Андрей наблюдает.

Саша. Ой, ты что! Такая холодная вода?!

Женя. (вытирается полотенцем) Чувствуешь себя... (ищет слово)

Андрей. Что там в океане, купался?

Женя. Пару раз купался, далеко ездить было. Я тут одну теорию вывел, тебе это будет интересно, Дрюня.

Женя устраивается рядом с ними на покрывале.

Саша. Какую теорию, Женечка?

Женя. Теория очень, просто жутко простая. Все звуки вокруг нас есть музыка. Просто из-за их протяженности во времени и пространстве звуки слишком удалены друг от друга. Они далеко, мы не улавливаем гармонию. Мы слышим только щелчки, шум и говор, какой-то разговор, потому что человеческое ухо, как и зрение, не может слышать, как и зрением видеть на дальнее расстояние, поэтому... поэтому... что делает, к примеру, музыкант? Он берет эти звуки на ощупь и сжимает, стягивает их, приближает друг к другу, и получается музыка. Дьявольская музыка, понимаешь меня, Дрюня? От Дьявола это все... (улыбается)

Павел. Какие-то торчковые загоны.

Женя. (смеется) А что надо было взять?

Андрей. Да ну вас на фиг (берет карты, тосует).

Женя. Я, Дрюня, слушай, я тебе не рассказывал, по-моему, про шимпанзе?

Саша. (смеется) Про кого?

Женя. Шимпанзе! Простая в принципе вещь такая!.. Шимпанзе, оказывается, жрут друг друга, да! Представляешь?

Андрей. Ну. (Раздает карты. К Саше) Ты будешь э, Мыша?

Саша. Нет.

Женя. Нападают на людей, и еще и людей жрут.

Павел. (улыбается) Конечно...

Женя. Что ты?! Единственный вид животных, которые жрут друг друга!

Павел. Кроме людей.

Женя. С восторгом еще таким, и тут же забывают. Что ты говоришь, не расслышал?

Павел. Природа такая, говорю, ничего не поделать... (Улыбается, к Андрею) В рот того мента, да, Андрик?

Андрей. Да, в рот того мента. (Разглядывает карты, которые себе раздал)

Женя и Павел поднимают свои карты, разглядывают.

Вечер. Лето. Женя и Саша сидят в машине. Женя держит руки на руле, у Саши на коленях лежат цветы. Молчат. Голова Саши опущена. Женя начинает плакать, Саша плачет вслед за ним.

Саша. (улыбается) Плачем с тобой сидим.

Женя. Ладно... Мне там, хули меня там никто не ждет! Не нужен никому получается. (Плачет)

Саша. Нет. Тебя ждуг.

Женя. Кто?!

Саша. Твоя. Она тебя любит.

Женя. Кто, эта?! Перестань! Саша, если б...

Саша. Любит, я знаю.

Женя. Саша, если б она меня любила...

Саша. А скажи мне, вот если бы все было хорошо, она тебе не изменяла вот, и ждала тебя все, и ты приехал...

Женя. И что, Саша, ничего бы...

Саша. И все хорошо у вас. Все хорошо! Как до твоего отъезда!.. И ты бы все равно со мной... ухаживал бы за мной?

Женя молчит

Саша. Видишь.

Женя. Не знаю. Нет. Ну, допустим никогда у нас с ней особо хорошо не было. Нет. Я люблю только тебя!. Еще с момента того, как тогда вместе с Дрюней познакомились.

Саша. Ой, не знаю, что мне его бросать... Он тоже меня любит говорит, понимаешь? И плачет, и все меня любят, то ничего столько лет, а тут на тебе... Не плачь.

Женя. Так и что, Саша, он мало тебя унижал? Мало на хуй посылал? Это не любовь, не знаю... Слушай, сколько мы еще шорхаться по углам будем? Гони его на фиг, это твоя квартира и все!

Саша. Нет, Свэн, Дрюня на работе мой, малую кто из садика забирать будет?..

Женя. Я заберу, сейчас поедем...

Саша. А может у нас это пройдет? Может это у нас с тобой оттого, что ты просто приехал, а твоя не дождалась?

Женя. (обнимает Сашу) Помнишь, как застряли?

Саша. Угу. (Улыбается)

Женя. Когда патрубок лопнул и трусами нашими вместо хомута перетягивали.

Саша. Да. (Закрывает глаза, подставляет лицо для поцелуя)

Женя целует Саше лицо

Лето. Вечер. Квартира Жени. Звучит песня «Кораллы» группы «Мумий Тролль». Входит с полупустой бутылкой крепкого алкоголя и ремнем очень пьяный Женя в одних трусах. Привязывает ремень к дверной ручке, стягивает ремнем шею. Женя онанирует и в момент оргазма натягивает ремень. Женя теряет сознание. Удивленный свист Павла.

Голос Андрея. Это его в Англии, чморенка, одна вьетнамская проститутка приучила. Говорит, кайф бешенный просто. Рассказывал еще, прикинь, что сначала не хотела с ним даже с двойной оплатой. Кричала, что у вас у русских член очень большой, что ей типа порвет там все, больно будет очень.

Голос Павла. И что?

Голос Андрея. Ну что, ничего.

Голос Павла. Ну да. Они ж маленькие там все.

Голос Андрея. Хоть бы сдох уже падла.

Женя приходит в себя, стягивает ремень с шеи, уходит.

Лето. Вечер. Женя и Саша сидят в машине обнявшись.

Женя. Маленькая моя девочка...

Саша. Ой, Женечка, мне так нравится, когда ты меня маленькой называешь.

Женя. А что, ты же маленькая девочка моя... Моя или нет?.. Моя или нет?

Саша. Да. Только я себя чувствую...

Женя. Виновато, да?

Саша. Да. Чувствую, побалуемся мы с тобой...

Женя. Что значит...

Саша. И ничего хорошего из этого не выйдет.

Женя. Выйдет, не выйдет, какая разница...

Саша. У тебя тоже есть такое?

Женя. Есть, то есть я в смысл вины. Мы все виноваты, без исключения, я это еще в Англии понял. Но ты меньше всего, понимаешь? Мы все неправильно живем. Христианские заготовки больше не годятся, отстой полный, что-то не фурычит в этой системе. Втыкаешь?

Саша. Угу.

Женя. (улыбается) Втыкаешь? Втыкает моя девочка... Господи, я сам ничего не понимаю, блин... Я тебе говорил или нет? Ай ладно, не буду тебя грузить...

Саша. А я уже довязываю тебе перед. Не знаю, что получится, может ты меня... на меня ругаться будешь, но что получится, то получится, я не виновата, если не понравится. Надо было своей тогда отдать... А у меня уже и спиц таких нет, и нитки говно...

Женя улыбается, целует Саше лицо.

Вечер. Лето. Квартира Саши и Андрея. Павел сидит на диване, Андрей ходит туда-сюда, нервничает.

Павел. Не напрягайся.

Андрей. А нет, Павлик! Честно! Нету уже этого как-то, она все уже, съела меня и запить не попросила даже.

Павел. А где она, переучет?

Андрей. Она знаешь... Я ей руку в последний раз протянул, уже куда уже больше! Павлик, сечешь?! Я ей, блядь, руку протянул, вот так и сказал: «Мыша, я буду как прежде, все! Но я буду ждать, и ты будешь последней дурой, если оступишься». А она оступится, вот вспомнишь меня!

Павел. В каком смысле?

Андрей. Ну как, в прямом, ну... Оступится, сморозит что-нибудь! Поздно придет там, я не знаю, выпившая как она умеет.

Павел. Ну ты ж тоже, Андрик, не святой.

Андрей. Нет! Я не святой, Павлик, не святой! Но я ей подлянок не устраиваю! Вот где она шляется?! Мать, тоже мне! Какая ты на хуй мать после этого?!

Павел. Но она же тебе не изменяет.

Андрей. Божечки, конечно нет! Она боится.

Павел. Боится?

Андрей. Конечно! То, что Свэн там сани подкатывает к ней, это фигня. Она в магазине своем с остальными дурами этими пивка, джин-тоничка, хи-хи, ха-ха! Я ей говорил, 10 лет пройдут быстро, Мыша, не успеешь осмотреться!. Она не понимает этого, Павлик! А я не, я не собираюсь ее всю жизнь тащить за собой... Мы с Александрой Ивановной давно уже все.

Павел. Не говори так, Андрик, она хорошая.

Андрей. Ну хорошая-хорошая, а хули толку. Нас ничто не связывает. Вот дочка подрастет и к сорока годам разбежимся. Вы ж много не знаете, например, она же не прописывает меня. Тещеньку сильно умную слушает!

Павел. А для тебя это так важно?

Андрей. Это доверие, понимаешь? Не прописывает, значит не доверяет.

Павел. Ну не знаю я. Я знаю, что она хорошая.

Андрей. А раз не прописываешь, так во тебе. (Показывает фигу) На!.. Унитаз в толчке как шатался, так пускай и шатается! Кран как тек на кухне, так пусть и течет.

Павел. (улыбается) Тебе в падлу сделать?

Андрей. В падлу, Павлик! Верить?! Реально в падлу. А зачем?..

Павел. Ну...

Андрей. Ничего. Сейчас мы с тобой картошечки бомбанем, с салцом.

Павел. Бомбанем-бомбанем.

Андрей. А! Черт, курочки жалко нет, так бы я... Я такую курочку готовлю, умм...

Павел. Нет, Андрик, Саша хорошая.

Андрей. Ну, хорошая, хорошо, пусть так!

Павел. (встает с дивана) А какую тебе надо?

Андрей. Инициативную! Чтобы помощь была какая-то реальная от нее!

Павел. (улыбается) А... Ну-ну...

Павел уходит, Андрей провожает его взглядом.

Лето. День. Съемная квартира. Входят Павел и Саша.

Саша. (улыбается) Куда мы пришли, Чипурин?

Павел. (улыбается) А вот... сюрприз. (Пьет джин-тоник из бутылки)

Саша. Ты квартиру снял, я так понимаю? (Пьет джин-тоник)

Павел. Не волнуйся, Саша, я не собираюсь тебя убивать... Прошу вас, принцесса!
(Подталкивает к кровати)

Саша. Куда, куда?

Павел. Да-да. Иди.

Саша осматривает комнату, пьет джин-тоник.

Павел. Смотри даже, что есть. (Поднимает с пола возле кровати презервативы)

Саша. (улыбается) Сервис. Да, Чипурин?

Павел. Телевизор вот, пожалуйста, если хочешь, включи. (Включает телевизор)

Саша. (садится в кресло) Давно я уже в таких квартирах не была. Мы когда с Дрюней встречались...

Павел. Угу! (Включает музыкальный канал)

Саша поджмивает ноги, смотрит телевизор. Павел подходит к окну, хочет открыть форточку.

Саша. Не открывай, мне холодно что-то.

Павел. А мне что-то наоборот. (Снимает верхнюю одежду, расстилает простынь)

Саша. Ой, Чипурин, я не знаю как-то...

Павел. Ну что?

Павел становится перед Сашей на колени, обнимает ее ноги.

Павел. Что такое? Я не собираюсь тебя насиловать, не захочешь, просто полежим.

Саша. Это так странно, ты хотя бы меня предупредил. (Гладит Павла по голове)

Павел встает, молча расстилает постель.

Павел. Блин, у меня такое ощущение, будто я Синяя Борода. (Садится на кровать) Я не Синяя Борода, Саша. Давай телевизор тогда посмотрим просто. Все равно лучше, чем по улице под дождем шататься.

Саша ложится на кровать. Павел улыбается, ложится на Сашу. Целуются. Павел раздевает Сашу.

Саша. Завесь, пожалуйста, шторы.

Павел. Я хочу на тебя смотреть.

Саша просительно молчит, Павел встает, завешивает шторы. Саша смотрит телевизор, Павел ложится рядом, обнимает Сашу одной рукой, закрывает глаза.

Саша. Ты на сутки снял?

Павел. (с закрытыми глазами) На 3 часа.

Саша. Сколько стоит?

Павел. Разве важно? Копейки...

Молчат. Саша смотрит телевизор.

Саша. Ты будешь спать?

Павел. А что делать?

Саша. Чипурин, а правда, что у тебя прадедушка граф был?

Павел. Князь, не граф.

Саша. А, точно.

Павел. Прикольно, правда? Я князь и сижу в полной жопе.

Саша. Неправда, ты книгу напишешь.

Павел. Только что...

Павел и Саша целуются, раздевают друг друга.

Саша. Холодно.

Павел. Сейчас. (Накрывается одеялом)

Целуются.

Саша. (отстраняется) Не могу, такое ощущение, что мы это механически делаем.

Павел. Почему

Саша. Не знаю... Ты не любишь меня.

Павел. Почему бы нам просто это не сделать, и все. Нам же не по 20 лет уже, слава Богу.
(Улыбается) Ну?

Саша целует Павла. Павел закрывает глаза. Саша целует Павла везде, отстраняется.

Саша. Ты сам не хочешь. (Смотрит телевизор)

Павел. (улыбается) Сейчас уже нет.

Павел пьет джин-тоник, передает бутылку Саше. Саша пьет джин-тоник. Павел смотрит на Сашу, в нем возникает желание. Саша перестает пить.

Павел. Пей, пожалуйста, прошу.

Саша. Зачем? Я не хочу.

Павел. Ну, пожалуйста. (Целует Сашу в живот)

Саша пьет джин-тоник, Павел целует ее везде.

Саша. Нет. Все, Чипурин.

Павел откидывается на кровать, смотрит телевизор.

Саша. Видишь, не получается у нас.

Павел. Это я виноват, извини... Я уже наверное импотентом становлюсь.

Саша. (улыбается) До которого часа мы здесь?

Павел. До пяти, домой уже хочешь? (Смотрит на Сашу, гладит ее)

Саша. Хорошо, что ты хочешь? Что мне сделать?

Павел. (улыбается) Ничего, просто полежи рядом. (Гладит Сашу)

Саша прижимается к Павлу.

Саша. У дочки в садике в эту субботу утренник, а я на работе, как обычно. А потом, как я успею, если до 9-ти вечера работаю? Я говорю, Дрюня, сходи...

Павел. (улыбается, лежит с закрытыми глазами) А он?

Саша. Конечно, говорит, схожу.

Павел. Так чего ты?

Саша. Так он идет с радостью такой, потому что там у них в группе воспитательница молодая. Когда она на Новый год Красной Шапочкой там плясала под елочкой, он глаз от ее коленок не отводил. Юбка, во.

Павел выключает телевизор. У него много нежности к Саше, он сильно прижимает ее к себе, целует в волосы.

Саша. Проспим.

Павел. Ну и что?

Молчат. Саша лежит с открытыми глазами.

Павел. Любишь Свэна, ты?

Саша. Что?

Павел. Ты Свэна, любишь?

Саша. Не знаю... Да, наверное.

Павел. А вы хоть шутите с ним? Есть о чем поговорить?

Саша. Конечно. И шутим, и смеемся мы с ним. Нет, это есть.

Павел. Я его убью. Чем он тебе нравится? Педик...

Саша. (улыбается) Нет. Он не педик. Он на певца из «Депеш Мода» похож.

Павел. (улыбается) А тебе нравится «Депеш Мод»?

Саша. Ага. Я даже на концерт хотела в Варшаву на ихний ехать.

Павел. И что не поехала?

Саша. А! (Отмахивается) Дрюня денег не дал.

Павел. Все равно я его убью.

Саша. Жалко. И его жалко, и Дрюню жалко.

Павел. Себя пожалей.

Саша. И себя жалко... Ой, я не знаю. Я...

Лето. Вечер. Квартира Саши и Андрея. Андрей ходит туда-сюда с кружкой, пьет чай. Внезапно швыряет кружку, кружка разбивается. Андрей уходит, возвращается с тарелкой, вытирает разлившийся чай, собирает черепки.

Голос Андрея. Свэн ее, оказывается, все-таки трахает. Вот он я лось сохатый, полгода уже ветвистым хожу. Мир не без добрых людей. Да, подсказали.

Входит Саша.

Саша. Привет.

Саша проходит мимо Андрея. Андрей останавливает Сашу.

Андрей. Мыша, ты...

Саша. Андрей, я сама хотела ск...

Андрей бьет Сашу кулаком в лицо. Саша падает, лежит неподвижно. Андрей бьет Сашу ногой один раз, второй, третий. Саша лежит неподвижно. Андрей уходит.

Звучит песня «Кораллы» группы «Мумий Троль». Вечер. Лето. Улица, глухой закрытый двор. На лавке сидит Павел и пьет джин-тоник. Входит вокзальная проститутка, старая пропитая женщина.

Проститутка. Сюда?

Павел. Сюда-сюда.

Проститутка лезет к Павлу целоваться.

Павел. Нет. (Берет ее за волосы и опускает на колени) Сюда.

Проститутка делает Павлу минет. Павел допивает джин-тоник и с последним глотком испытывает оргазм. Проститутка сплевывает сперму.

Павел. Уходи. (Протягивает ей деньги)

Проститутка, взяв деньги, уходит. Павел ложится на скамейку.

Вечер. Лето. Квартира Саши и Андрея. Саша лежит на полу, приходит в себя. Ей больно, лицо распухло, разбитые губы кровоточат. Саша подползает к дивану, садится.

Саша. Ооой... А погода на улице великолепная... Солнце! Лето, начало лета, солнце, жарень страшная была. Солнце палит вовсю. Ну вот, я хожу и форточка у нас в палате открыта, вот хожу... Значит... Потом приходит ко мне наконец-таки профессор. Пришёл, посмотрел, а у меня в карточке написано, что мне по зрению надо делать ээаа... этот... умм... как оно... кесарево сечение! Вот, как бы я и настраивалась на кесарево сечение, думала, что, а! пусть,

рожать, более никаких не буду слышать, всё нормально. Тут приходит этот профессор, с моей этой карточкой и говорит: «Будешь рожать сама!.. Ничего у тебя не, ну постараемся, я тебе помогу. Чего, зачем тебя резать, молодая девочка, можешь сама родить. Плод у тебя небольшой...» Он так говорит: «Три сто, не больше, так что будем рожать!» ... Ну будем, так будем. Я уже нешта уже и немножко я так уже испугалась. Ага, сама рожать! Надеялась на одно, а получается другое. Вот, ну и ушёл этот профессор! Пост, пост, прибежала эта медсестра, поставила мне какой-то прибор на живот, как я поняла, это измерялось, какие-то периодичность моих схваток там, эмм... вот... Пролежала я так, наверное, минут десять. Такой прибор, то есть к животу, так со всех сторон он облепливается какими-то ааа... проволочками какими-то... Неприятно мне, в общем, и там пищит как-то он так интересно. Ну и всё! Ушла от меня! ... Я лежу, я значит, лежу там, думаю, интересно, кто это у меня появится. Я ж не знаю, кто... Это Дрюня был уверен, что у меня девочка, ну так я не была уверена, потому что... Ну и никто стопроцентной гарантии не давал, чтобы тут у меня девочка. Ну вот, я думаю, представляю, лежу, как там будет, как там мой Дрюня, он же ж пошёл на работу! В шесть часов утра... Он же не знал, что меня заберут... в больницу. И я значит лежу, обо всём этом думаю, вот. Потом не знаю, сколько прох, а пришла медсестра, сняла с меня всё это дело, сказала, что всё нормально! И опять ушла, вообще тишина, девочка моя плачет! Там умирает... но тут немножко у меня начинается, немножко тут, такие более сильнее что ли боли такие. Тут уже начинаю я немножко похаживать, но уже так... с таким... с таким немножко ощущением более болезненным. Просто уже начинаю понимать, что в принципе, как бы это начало наверно всего этого! Но терплю! Думаю, не буду кричать, ни за что не буду кричать. Эээ... вот. Ну а, а как боли эти увеличились всю, такое ощущение, что постоянно хочется в туалет... Вот, а по правде сказать, моя девочка эта самая, которая вот лежала эээ на соседней кровати, вдруг начала тоже бегать в туалет! Да начала так бегать в туалет, что в самом деле мне сходить было просто невозможно. А один туалет как бы на две палаты получается... воот, то есть она сядет там и сидит! И сидит там что-то и охает, и ахает, вот на этом туалете. А мне на самом деле очень хочется в туалет! Я хожу, то постучу, а она мне говорит: «Сейчас-сейчас!» Сейчас-сейчас, проходит ещё минут десять. Тоже не могу долго терпеть! И, и нельзя в принципе-то долго терпеть. Я уже опять ей стучу. Она: «Сейчас, всё, выхожу». И опять там плачет сидит. Я уже, ну что делать, а! и долго ж нельзя в туалете сидеть, мало ли что там с ребёнком, может, потом родит скоро. Вот, я за медсестрой! Медсестра её давай выгонять с этого туалета. Кричит на всю поликлинику на эту: «Выходи быстренько!» Вот, и она ни в какую... Ну и мне ж хочется в туалет. Хожу, вот тока все мысли уже на то, чтобы скорей сходить в туалет, а не на то, чтобы мне уже и рожать. Ну и всё, короче, кое-как там она её достала, сказала, чтобы если что, мне! А, чтобы я следила за этой девочкой, не пускала её в туалет. Ну и вот, короче говоря, я там уже сходила наконец-то, всё, вздохнула с облегчением, ну... И всё. Потом значит проходит, проходит не знаю, сколько времени, часов-то нету! Поэтому времени не знаю сколько проходит, приходит мой профессор опять. Смотрит меня опять и говорит, матка плохо раскрывается, надо делать этот эээ... как он называется, прокалывать воды... Ну что делать, ну надо, так надо... воот. Повезли меня, значит, как я понимаю, теперь это был родзал! Посадили меня на кресло опять это гинекологическое, и взяли огромный такой, такой штырь! Похожий на спицу, только толще и длиннее намного. То есть, он где-то был, наверно, сантиметров 50! А диаметром был, наверно, ну миллиметров так... десять. Не, не десять, меньше! Ну там семь где-то миллиметров. Острый, остренький такой! Да, страшный такой, я так испугалась, сейчас, думаю, будут прокалывать и заденут моего ребёнка... Воот, и значит, мне тут говорят, потерпи! И всунули мне, да, эту арматуру какую-то!.. Ну так, больновато было, а потом с меня всё полилось... Фуу, гадость страшная, когда, но это мужчины не поймут! Это, это такая гадость, как будто месячные и в десять раз больше! А может и, и в двадцать раз больше! Всё это с тебя выливается, и такой проз... прозрачно-кровянистое такое что-то...

Входит Женя с бутылкой водки в руке. Ставит водку на стол. На столе стоят рюмки. Саша подходит к Жене. Женя целует Сашу.

Женя. Не волнуйся, ладно? Он тебе больше ничего не сделает. Всё, ты со мной.

Саша садится за стол, Женя наливает водку в рюмки.

Саша. Мне хватит, чуть-чуть. Хватит.

Женя протягивает Саше рюмку, наливает себе полную. Они выпивают. Женя садится за стол, рядом с Сашей. Входит Андрей. Женя берёт Сашу за руку.

Женя. (к Саше) Только не волнуйся, ладно?

Андрей. Сука, в моём доме! (хватает табуретку и крушит её об пол)

Женя. Допустим, он не твой, допустим, он Сашин... (к Саше) Не волнуйся, не волнуйся.

Саша. (истерично к Андрею) Будешь мне табуретку покупать, понял?!

Женя. Не волнуйся, не волнуйся...

Саша. Это не твоя, это мой папа покупал!

Андрей плачет, рыдает.

Андрей. (сквозь слёзы) Сашенька, ну что ты делаешь?! (становится на колени) Ты ему на хер не надо, он только о своей Англии и мечтает! Да у него долга две штуки, дура ты! (рыдает)

Женя. (спокойно) Высказался? Выпьешь, может, Дрюня, в себя придёшь?

Андрей. Выбирай, Мыша, последний шанс тебе даю, или он, или я! (ждёт ответа)

Саша. ... Я остаюсь с Женей.

Андрей. Умм!.. (стаскивает с пальца обручальное кольцо, оно снимается с трудом)

Женя. (к Саше) Не волнуйся, не волнуйся.

Женя наливает в рюмки водку.

Саша. Хватит мне...

Андрей швыряет обручальное кольцо.

Андрей. Вот сейчас я спокоен, я спокоен, Мыша! (уходит)

Женя. (к Саше, подняв рюмку) Давай...

Чокнувшись рюмками, они выпивают.

Лето. Вечер. Привокзальный парк. Под плащом на траве спят Павел и вокзальная проститутка. Подходит Андрей, толкает Павла ногой.

Андрей. Э! э!

Павел просыпается.

Андрей. Собирайся, поехали, покатаемся.

Павел. Ну, я сейчас не могу. (зевает)

Андрей. (срывает с них плащ) Собирайся, поехали, говорю, Павлик, покатаемся!

Проститутка. Охуеть... (уползает)

Павел. (вслед проститутке) Иди, иди, Люда... (к Андрею) Послушай, мне давно уже всё глубоко фиолетово, ты не писатель, ты не поймёшь. Я сам приговорил себя, я не живу, Андрик, это всё не моя жизнь.

Андрей, схватив Павла за ворот одежды, подтаскивает к своему лицу.

Андрей. Как ты мог, своими советами?! Я человек, живой человек, не копирка! (гасит Павла)

Павел. Мы разберёмся, разберёмся, граждане! Мы разберёмся!

Лето. Вечер. Павел и Андрей едут в электричке, молчат.

Павел. Затекло все нафиг. Болит.

Едут дальше молча. Андрей встает.

Павел. Куда ты?

Андрей. Курить, пойдешь?

Павел. У тебя какие-то стеснения?

Андрей. А у тебя?

Павел. С чего ты взял?

Андрей. Ну и все.

Павел. (кричит) Я по-моему ничего тебе не сделал?!

Андрей. Слушай меня сюда. Может я хам, там быдло, на стройке работаю, но не тебе судить меня, понял? Это моя семья, я сам разберусь, что ей надо, что нет, понял?

Павел. А что скажешь, нет? Я перед тобой ни в чем не виноват, ни в чем! По большому счету, я всегда делал только то, что ты хотел. Сашка... Сашка, хорошее затюканное бытом существо. Я ее даже трахнуть не смог, потому что она только про тебя, ребенка, садик и говорила. И даже с этой стороны я перед тобой чист... Лицемеры, вы все лицемеры, как один. Ненавижу, ненавижу вас всех. Вам только одно от меня надо было всегда. То, что вы хотели получить. А меня, как меня, как личность, вот такого, какой я есть... Не а... В упор! Никогда, никого не интересовал. А я не такой, поймите вы! Твоя жена хочет банальной интрижки, потому что устала от твоего вечного хамства!

Андрей. Раздевайся.

Павел. Зачем?

Андрей. Раздевайся, сказал!

Павел. Да не хочу я раздеваться!

Андрей. Раздевайся, блядь! (Рвет с Павла одежду)

Павел. Тихо, тихо ты, сам. Ты ж на зону не хочешь, правильно! (Улыбается) Трахать меня будешь, что ли?

Андрей. Все снимай с себя.

Павел. Ай, ну тебя, надоело.

Павел хочет уйти, Андрей хватает его, держит.

Павел. Пусти, пусти ты.

Андрей. Дерьмо любишь, да?

Павел. (кричит) Что тебе мешает? У тебя все есть уже! Работа, ребенок, любящая жена! Твою музыку эту дебильную крутят везде! А у меня есть что, скажи? А, ты, праведник херов?! Меня не печатают, не ставят нигде!.. Да пошел ты на хуй, блядь! Урод, блядь! Да в рот тебя ебать, презираю, ничтожество! Так и сдохнешь...

Андрей колет Павла ножом в живот. Павел медленно оседает на пол. Андрей садит Павла на сидение, оглядывается и уходит.

Лето. День. Квартира Саши. Саша и Женя сидят на диване, смотрят телевизор. Молчат. Идет музыкальный канал.

Голос Андрея. Я оставил их всех. Ушел к родакам. Батяка понял, сказал, пора бы уже и о себе подумать. И действительно, я 7 лет ходил круглый год в одних штанах...

Саша. А по-моему, это неплохо, совсем неплохо, скажу тебе... Я имею в виду, когда люди умеют так молчать вместе.

Женя. А, ну...

Саша делает Жене массаж.

Женя. Я сегодня был на вокзале.

Саша. Так, ну...

Женя. (улыбается) Саша, я гулял... Так вот, вокзал – это совершенно параллельный мир. Там есть мент один, который ненавидит все человечество, насколько я понимаю.

Саша танцует перед Женей, не очень умело соблазняя.

Женя. (улыбается) Перестань.

Саша. Здесь никакой музыки нет, Свэн. Я отключила электричество. Все отключено, есть только мы, ночь и красота.

Женя. (улыбается) Ты плохо танцуешь. Ужасно плохо...

Саша. (улыбается) Да? Что ты говоришь... (Продолжает свой соблазнительный танец)

Женя обнимает Сашу.

Саша. (серьезно) Все давит внутри, я не могу.

Женя. Легко объяснить. Ты эгоистка, Александра Ивановна. Кому-то сейчас хуже, чем тебе. А на жалость ты не способна. Ты хочешь, чтобы жалели только тебя, ты бы сейчас с превеликим удовольствием хотела бы оказаться смертельно больной СПИДом каким, или раком, ведь так?

Саша. Я плохая, да?

Женя. Нет. Почему? Все такие, я тоже эгоист, я тоже хочу, чтобы меня жалели... Пошли, соберайся, пошли... Давай, Саша, пошли, не дури головы.

Лето. День. Улица. Саша и Женя разговаривают.

Женя. Где ты его нашла в прошлый раз?

Саша. Не знаю, Женя, вон в том парке наверное, не помню.

Женя. Попросили, надо найти... Я чувствую, что мы еще хорошими друзьями останемся. (Улыбается)

Саша. Ой, как-то зная моего Дрюню...

Женя. Не волнуйся, расслабься, не напрягайся так.

Саша. Ай, у меня автоматически такой, уже трясучка на него срабатывает моментально.

Женя. Дыши вот так. (Показывает) Спокойно и глубоко.

Саша дышит.

Женя. Вот так 10 раз.

Саша. Что я ему, нянька, что ли!

Женя. Дыши. 10 раз.

Женя открывает бутылку с пивом, стоящую возле его ног. Выходит Андрей, замечает Женю и Сашу и тут же убегает.

Женя. (кричит) Дрюня! (Бежит за ним)

Саша остается одна, жадно пьет пиво. Входят Женя и Андрей.

Андрей. Пивко сосешь?

Женя. Дрюня, мы...

Андрей. (к Саше) Отметь этот день красным в календаре!

Саша. Что, закончились веселые старты?

Женя. Можно я...

Саша. Мама волнуется, звонит мне, ищет, где ты... Ты ей, может, объясни, что я уже не нянька тебе, пусть...

Женя. Саша! Ребята, мы та...

Саша. Пусть полагает, не трогай его, Женечка, он пока дозу свою не выбрешет...

Андрей. (улыбается) Не колотись, что ты колотишься, Мыша?

Саша. Боже, чужой человек.

Андрей. Божечки, вот и все твое уважение ко мне. Абсурд! Ребятки, мне противно на вас смотреть! У меня все хорошо! Это, я смотрю, у вас проблемы! А меня не надо спасать! Ты что, Чморенок, еще может быть в своей головке задумал, что мы друзьями останемся?.. (К Саше) А у тебя я еще дочку отсужу!

Женя. (к Саше) Не волнуйся... (к Андрею) Я в Англии в церковь православную ходил. И знаешь, почувствовал эту тонкую связь с Богом. Мир стал осмысленнее, понятнее. Попробуй, Дрюня, может поможет, а то ты как-то неадекватно себя ведешь.

Андрей. Божечки, как все запущено. Это вам, ребятки, надо лечиться, а не мне... (к Саше) Ты пойдешь заявление подавать или я?

Саша. Не знаю, как хочешь! Там надо платить, ты сначала узнай, а у меня денег нет.

Женя целует Сашу в волосы.

Андрей. Ой! Смешно на вас смотреть, честное слово!.. (к Саше) Расписку мне напишешь на компьютер, что не имеешь претензий на него никаких. Мы с батькам подскочим, заберем сегодня вечером.

Саша. А он мне не нужен!

Андрей. Вот и отлично.

Саша. Он тебе нужен.

Андрей. Отлично-отлично.

Саша. Музыка эту свою дебильную сочинять.

Андрей. Да-да...

Саша. И все равно ты будешь только мне ее всю жизнь сочинять! (Плачет)

Женя, нахмурившись, успокаивает Сашу.

Андрей. Сама не понимаешь, что сейчас сказала... Ой не знаю, Мыша, что тебе надо будет делать, чтобы я вернулся.

Лето. День. Квартира Саши. Саша и Женя сидят на диване, смотрят телевизор, молчат, идет музыкальный канал.

Саша. А ты правда в церковь ходил там в Англии своей?

Женя. Где-то полгода, как-то попробовал. Ходил в церковь, дома молился, а потом мне надоело. Вставай, к шести утра переться на эту молитву, стой там 2 часа, как истукан... (улыбается) Не мое.

Женя встает, делает звук в телевизоре громче. Танцует перед Сашей.

Саша. (улыбается) И что ты собираешься делать?.. Свэн, ты пугаешь меня.

Женя перестает танцевать, собирается уходить.

Саша. Не надо, Женя.

Женя. (улыбается) Пойду к Артему на гитаре поиграю.

Звучит песня «Кораллы» группы «Мумий Тролль». Лето. Вечер. Квартира Жени. Голый Женя, задыхаясь, корчится, привязав ремень к дверной ручке и стянув им шею. Женя задохнулся. Входит Саша, одета в купальник.

Саша. Я любила Свэна, конечно, не так сильно, как Дрюню... Да! Но похоже по-своему, и больше чем Чипурина, это точно.

Саша снимает Женю с ремня, укладывает на диван.

Саша. Я, короче говоря, всей правды не узнаешь, кто тебе скажет, но Свэн, по правде если, должен был 10 тысяч евро. Мне его жена позвонила и все рассказала сама. Она сказала, что его все равно бы убили, раньше или позже.

Лето. День. пляж на берегу водохранилища. Женя, Павел, Саша играют в пляжный волейбол. Андрей лежит на покрывале, наблюдает за ними.

Саша. Дрюня, давай!

Женя. Иди играй становись, туловище!

Андрей. (улыбается) Пошли вы!.. Пойду лучше мороженого куплю пару штучек. (Одевает сланцы) Мыша, тебе купить?

Саша. Неа!

Андрей уходит. Остальные некоторое время играют.

Саша. Ой... (чесет ногу)

Павел. (улыбается) Что, все уже?

Саша. Чешется, как чешется... (чесет ногу)

Лето. День. пляж на берегу водохранилища. Саша в купальнике и Григорий сидят на скамейке. Григорий в джинсах, рубашке и ветровке. Он делает вид, что не слушает Сашу.

Саша. Ну и все, и мне сказали, я уже встала, подошла, встаю кое-как там! Они мне говорят, значит, между ног дали такую тряпку! Какую-то... Ходи! С этой тряпкой, ногами держи и ходи. И говорят, сейчас боли будут увеличиваться. Сейчас схватки будут частые и болезненные. Готовься!.. Ну я уже и приготовилась... Оой, как там. Ай! Ну думаю, как там ну не знаю жеж в первый раз рожаю! Не знаю же, как там будут схватки болезненные. Воот, ну пошла в палату... Девочка по-моему эта уже пошла рожать. Да, по-моему ей уже сказали, что пора. Вот, она пошла, я не знаю, кого она родила... Больше мы ее, с ней не встречались! Вот не видела я ее, воот... А, нет. Вру! Один раз я ее видела в столовой! Мельком! Ну мы там особо не разговаривали, потому что она чуть шла! Она вот шла, тока поздоровалась со мной и ушла... Воот... А я значит осталась одна в палате. Больше никого ко мне и не подвозили!.. Воот. Я лежу, потом значит слышу стук в окно... Родители мои пришли! Стоят под окном и плачут. Мама моя... переживает за меня там и все, вся в слезах. Ну не так, но боли уже увеличиваются!

Чувствую, что увеличиваются! И она все: «Ой, девочка моя, как бы я хотела быть на твоём месте, чтоб боль твою забрать!» А я не могу, а мне и смеяться хочется, и плакать хочется... Батка там вдали где-то, нервничает, ходит. Вот я говорю: «Ай, мама, ты ж родила, - говорю, - и я рожу!» Вот, и тут как раз прибеж... приходит этот... ааа... значит, этот мужик, профессор! А профессор такой интересный. Еврей! Такой эээ с бородой уже, черная такая борода, такая объемная, как у боярина такая! Но уже такая покрыта кое-где сединой! Ну так, красивая такая... Ну вообще, красивый такой мужчина! Такой, плотного телосложения, и ему наверное больше пятидесяти, или около того! За бороды очень тяжело определить... Эээ. Воот... Такой очень приятный мужчина, в принципе так, ну эээ... воот... и хорошо, и смотрит, не больно. Вообще очень хорошо смотрит; гинеколог это хороший, мужчина этот... (уходит, возвращается) Воот... И значит говорит, говорят, он закрыл форточку, сказал: «Мамаша!.. Ни-ни, это не нервируйте свою дочь, сидите дома, все родит! Я ей помогу». Ну и все, и закрывает окно. И опять на меня смотрит... Воот... И говорит, что оо... говорит, что оо... плохо матка открывается, все равно воды как, воды прокололи, а матка должна после того, как воды отошли, должна быстро раскрываться, но она у меня не раскрывается, это очень плохо. Поэтому они мне решили, посоветовавшись, привели мне там 5 человек, стали там вокруг меня, куча врачей, каких-то там. Я так подозреваю, и анестезиолог там с учетом той медсестры и врачи-гинекологи такие, и акушеры там я не знаю, короче, постали! Так вокруг меня и думают, колоть или не колоть. Я же не знаю, что они там терминами говорят какими-то там, разговаривают. Я лежу, сама не знаю, боюсь что там. Вот и... Принимают решение колоть! Я потом уже спрашиваю, а что колоть? Маа... Значит лекарство, которое расширяет матку... А это оно со снотворным! Так и сказали: «Ай, ничего страшного, ты заснешь и ничего не будешь чувствовать!» Воот... (зевает) Так оно и произошло. Короче, они мне вкололи, а я тока помню, засыпаю!.. А я засыпаю и помню, что ливень пошел на улице. Стало вдруг темно-темно! И пошел такой ливень с как, как стена такой... Молнии какие-то сверкали! И в палате стало очень темно. Я вот больше ничего и не помню, пошел еще дождь. А! Еще засыпаю и думаю, что скоро уже наверное я все-таки рожу... Воот... И засыпаю там! Все что-то с мыслями, даже не пом... А! Что дождь, как классно на улице, свежо и все такое... (нараспев) И не помню больше ничего я...

Григорий. Мне кажется, я мог бы... полюбить вас... А вы меня, могли бы?

Саша. Ну, вообще, день сегодня!.. Мужчина, мне кажется, мы немножко в разных с вами...

Григорий. Ну почему, я сумею.

Саша. (улыбается) А вы не этот, нет?.. (Встает, уходит, обернувшись) Из кустов когда!

Григорий. Вообще-то я... Я вот этих вот мальчиков (показывает аудиокассеты) боль на себя взял.

Звучит песня «Кораллы» группы «Мумий Троль». Лето. Вечер. Квартира Григория. Григорий с суровой гордостью одевает парадный мундир. Чистит на себе одежду щеточкой. Входит Саша, в руках свитер.

Саша. Ну меряй, вроде... (пытается надеть на Григория свитер)

Григорий. Мундир сниму. (Снимает мундир)

Саша. Перевязала вроде... Ай! Не понравится, будешь... (Помогает Григорию одеть свитер) Выкину тогда.

Григорий. Поехали со мной на Лепельские озера.

Саша. Надо развестись сначала.

Григорий. Разводись и поехали.

Саша. А дочку куда девать? (Смотрит как сидит свитер, поправляет)

Григорий. С собой возьмем.

Саша. Ну иди смотришь.

Григорий. (улыбается) Сашенька, мне честно, Зайчик, мне так безразлично, как он сидит.

Саша. Почему ты такой?

Григорий. (улыбается) Ну вот такой я! Ну что поделаться, режьте меня берите.

Саша. Снимай.

Григорий, виновато улыбаясь, снимает свитер.

Саша расстроена, садится на диван, включает телевизор. Григорий, сняв свитер, держит его в руках.

Григорий. Нет. Ты все не так поняла, Господи! Сашенька, меньше всего на свете я хочу тебя обидеть. Ну хочешь! (Одевает свитер) Я даже по хате буду в нем ходить. Котик, ну! (Садится рядом с Сашей) Ангел мой... (Целует в щеку) Ангел, маленькая моя девочка... Ну конечно, ну а что, ты ж моя маленькая девочка...

Григорий обнимает Сашу, молча смотрят телевизор.

Григорий. (встает, берет альбом с фотографиями) А я тебе показывал, помнишь, я тебе про сержанта Петренко, хохла, рассказывал; я тебе показывал его?

Саша. (улыбается) Неа.

Григорий. Сейчас я тебе этого балбеса покажу. (Сидит рядом с Сашей, листает альбом) Вот, это я, а вот, Леха Петренко рядом, на БТР опирается... Поет сейчас с женой развелся.

Саша. Да? А это кто?

Григорий. А это... Так он, не помню, как звали, он случайно в фотографию попал. Идиот.

Саша и Григорий смотрят альбом.

Григорий. Я тебе говорил, какая самая первая заповедь анонимных алкоголиков?

Саша. Ну какая?

Григорий. Вернее как... Закон, заповедь, как угодно можно назвать... Признать, что ты алкоголик... Это как бы просто кажется, на первый взгляд, встать, да! Ты, сказать: «Здравствуйте, меня зовут Григорий, я алкоголик!» Но это очень сложно на самом деле. К этому надо придти. Вот, и когда уже скажешь так, значит слава Богу, дело двинулось. Значит, браток, у тебя есть еще шанс, еще не все потеряно в этой жизни.

Саша. Ты алкоголик?

Григорий. Да, Саша, я алкоголик.

Лето. Утро. Берег озера. Отец Саши, Иван, ловит удочкой рыбу. Саша сидит рядом, ест чипсы.

Иван. (полушепотом) Во такой мужик Григорий! Серьезный, Саня, я с ним пообщался. Не пьет, не курит, машина, своя квартира, пенсия большая, тебя любит. Даже не думай. Во такой мужик! Эти все твои шиндрики...

Саша. Андрик.

Иван. Андрики, Сашдрики, ему в подметки не годятся даже!

Выходит Григорий, поправляет штаны.

Иван. (улыбается) Ну что, с облегчением, Петрович... Поклев идет!

Григорий берет свою удочку. Проверяет грузило, поплавок.

Григорий. Поклев, говоришь, ну-ну...

Иван. Что ты... Поклев идет!

Григорий. Поклев, это хорошо. (Забрасывает удочку) Сашенька, принеси та в машине, в бардачке открой, очки мои лежат.

Саша. В бардачке?

Григорий. Да.

Саша уходит.

Григорий садится с Иваном рядом. Молча ловят рыбу.

Иван. Ай, Гриша, это такую войну забыть!

Григорий. Да перестань!

Иван. Сколько народу полегло. Сволочи они, и идет передо мной, патлы разноцветные и Гитлер на сумке болтается. Тьфу!

Григорий. Никому это не надо, Иван. Молодые, они не знают, и слава Богу, что не знают.

Иван. Я помню, батька мой...

Григорий. Так, а мой?!.. (Встает) Все поколение ихнее.

Иван. Что, пошел?

Григорий. Ну. Схожу.

Иван. Поджимает? А ты «Простамол»... про...

Григорий. Да не в этом дело совсем. (Уходит)

Входит Саша с очками Григория в руке.

Саша. А где?

Иван молчит.

Саша. Папа!

Иван. Ну что ты кричишь? Отлучился человек по нужде.

Саша. Сказать же можно.

Иван. (подсекает) А! Черт...

Иван меняет наживку, входит Григорий, поправляет штаны.

Григорий. Принесла? Спасибо, Саша. (Целует Сашу, одевает очки)

Иван. Ушел, зараза. Тока харя такая из воды была!

Григорий. А...

Иван и Григорий закидывают удочки, садятся рядом.

Саша стоит и смотрит на них. Все молчат.

Иван. А я с вашего позволения перекурю своих. (Вынимает пачку «Астры») Ментоловые!
(Сунет пачку под нос Григорию)

Григорий. (нюхает) Фу... (улыбается)

Иван. (смеется) Я их своими называю. Валидола ложу... (Закуривает) Ой, прекрасно отдыхаем, прекрасно! Я уже давно так, и душой, и сердцем... Да, это слава Богу, что войны нет!.. А ты, Григорий, в Чечне не воевал?

Григорий. Нет. В Чечне нет. Какое я имею к ней отношение?

Иван. Ну я...

Григорий. Я ж к ней никакого отношения не имею. Это...

Иван. А...

Григорий. Чечня это Чечня! Это Россия! А я ж белорус, какое я имею к ним отношение... Господи, да что сегодня такое! Извините... (уходит)

Саша и Иван молчат.

Иван. Свадьбу в столовой войсковой будем делать, в Уручье, в части.

Саша. В казарме свадьбу?

Иван. А какая разница? Ен все расходы берет на себя. Не понимаю...

Саша. Папа...

Иван подходит к Саше.

Саша. Я сейчас вижу, он такой старый же...

Иван. Какой же он старый? С мойго года! (Обнимает Сашу) Раньше надо было... Что теперь такого человека хорошего обижать. Тебя любит, пенсия большая, квартира, машина... Маленькая моя девочка. Батька тебе только добра желает. Думаешь, зла? Нет. Батька тебе только добра желает.

Входит Григорий, поправляет штаны.

Григорий. Сашенька, ты не могла бы нас с твоим папой оставить, буквально на 5 минут.

Саша уходит.

Григорий. Иван, я на Сашу хочу завещание составить.

Иван. Гриш!

Григорий. Нет, Иван. Никто... То есть на все воля Господа. Да! Уж я-то знаю, поверь. Так что...

Иван. Ну, тада как... Гляди сам... Что ж я, как... Тут уж...

Григорий. Поэтому я и говорю заранее. Здесь никто никого обманывать не собирается.

Иван и Григорий обнимаются. Крепко, по-братски.

Лето. День. ЗАГС. Комната невесты. Саша в свадебном платье, поправляет колготки. Входит Григорий в парадном мундире.

Григорий. Саша, глянь там... (Протягивает щеточку для одежды)

Саша чистит Григорию мундир на спине.

Григорий. Я до последней минуты не верил. (Улыбается) Никогда не думал, что будет у меня такое счастье на старости лет. Я тебе не говорил, я загадал, не по-мужски как-то, но... Ай! Что я тебя грузу в такой... день! (Подхватывает Сашу на руки, несет к дивану)

Саша. Ты что, Гриша, ну ты что!

Григорий кладет Сашу на диван, наваливается на нее сверху, целует.

Григорий. (отстраняется) Я сейчас, одну минуту, я сейчас! (Убегает)

Входит Павел.

Саша. Слава Богу! Я уже думала...

Павел. (бросает ей спортивный костюм) Давай быстро!

Саша. Да-да... (суетливо снимает свадебное платье)

Павел. Потом расскажешь, что ты думаешь!

Саша. Господи-Господи, кому рассказать...

Входит Григорий и тут же прячется, наблюдает, оставаясь в тени.

Саша. Как там Дрюня?

Павел. Пошел он в жопу, твой Дрюня! Живот вот до сих пор гноится.

Саша. (одевает костюм) Ага-ага, Господи-Господи, прости, Гриша, скотину такую...

Павел. Пошли ты уже, потом отмолишь!

Павел берет переодевшуюся Сашу за руку. В этот момент Григорий выходит из укрытия. В руке у него пистолет.

Григорий. Стой, Саша, смотри! (Стреляет в себя)

Григорий падает замертво. Саша кричит, Павел закрывает ладонями лицо. Звучит песня «Кораллы» группы «Мумий Троль». Входит Иван.

Иван. Дура ты, Сашка, дура. Такой хороший мужик был. Да... Что говорить. Но учти, с этого дня, помощи от меня не жди никакой...

Лето. Утро. Парк. Павел и Саша спят на траве, под плащом. Входит милиционер (с которым дрался Павел) со своей беременной женой. Жена садится на лавку. Милиционер подходит к спящим, толкает Сашу ногой.

Милиционер. Э!.. Мадам Бовари, подъем!

Саша просыпается, открывает глаза, видит милиционера.

Саша. А! (Отворачивается)

Милиционер. Подъем сказал! (Срывает с них плащ)

Из-под плаща выкатываются пустые бутылки.

Саша. Что тебе?.. Дырка моя... Которая?

Милиционер. Нужна мне твоя дырка!

Саша. Что тогда?

Милиционер. А это кто с тобой? (Пихает Павла дубинкой) Подъем, э!

Павел просыпается, смотрит на милиционера.

Павел. Охуеть... (уползает)

Милиционер. (смеется, к Саше) Трави иди свои, темы свои... Мне знаешь, твоя дырка сто лет. Иди давай! (Подталкивает Сашу дубинкой)

Саше плохо. У нее похмелье, ее трясет. Она садится рядом с женой милиционера.

Саша. Значит просыпаюсь от того, что мне очень, очень жутко больно. Так больно, что как будто с меня там что-то вытягивают, что-то такое тянущее, ну очень резкая боль, и очень частая. Я открываю глаза... Воот... Медсестра мне говорит, медсестра, уже темнооо почему-то, очень темно, но уже не от дождя темно, а от темно, потому что уже поздний вечер. И она мне говорит: «Ну потерпи еще чуть-чуть». Ой, а я говорю: «Очень мне больно. И пить хочу...» «Пить нельзя! Терпи!» И я терплю, и кричу уже, говорю: «Быстрее, я больше не могу, мне очень больно! Скоро мы?»... Я наверное ей задавала эти, этот вопрос «скоро ли» наверное каждые 5 минут! Потому что мне казалось, что это так долго! «Ну терпи, терпи». Ну и тут все, приходит наконец профессор, и я его готова была на руках носить! Вот. И он мне говорит: «Идем рожать. Ты готова?» «Ну конечно!» Я бегом побежала в родзал, а не знаю ж ну да, выскочила в коридор, он: «Подожди! Куда ты летишь!» Я говорю: «Рожать! Куда я бегу?!» А он еще, как назло, остановился с какой-то там медсестрой, или там с врачом, не знаю, девушкой

какой-то! И давай с ней: ля-ля-ля, три рубля! Как дела, да все хорошо! Что-то отвечает ей. А я говорю, а можно, я уже стою смотрю на них, смотрю, потом подхожу и говорю: «А можно мы все-таки уже пойдём рожать?!» Он говорит: «От, нетерпеливая. Не бойся, сейчас родишь! Мне уже... Через полчаса будет все нормально...» Воот... «Иди в этот, в родзал.» Показывает, куда мне идти. Я прихожу, там уже кто-то там тусуется! Акушеры наверное... Там еще кто-то, готовятся... к моим родам... Воот... Ложусь я опять на это кресло! Руки мне, по-моему, привязывали, и ноги привязывали... Да! Ноги, согнутые в коленях, привязывали... Воот... А! Два каких-то там, значит, два, два, кажется, акушера, или один акушер, и кто-то еще, там внизу сидят. Принимать будут роды. А медсестре стоит рядом со мной, и профессор стоит, значит, с левой стороны! А медсестра с правой стороны... Да! Воот. Ну и короче говоря... ну что, прихожу, а мне уже потуги идут! А потуги это вот, такой вот умм... как бы ну вот, как если ты какать хочешь, вот тужишься, вот и это! Только тут организм как бы сам, сам уже тужится. Воот... А мне нельзя тужиться! Профессор мне, со мной, сразу сказал: «Только ты не тужься, я тебе буду надавливать на живот!.. Но тебе нельзя тужиться!» Ну чтоб по зрению, у меня все-таки проблема была, вот. «Я тебе выдавлю, тебе ничего не надо будет, ни тужиться, только глубоко дышать!» Ну и все... Ну думаю, хорошо... Ну легла, он надавливает мне на живот! А надавливает на живот всем своим весом! Положил на меня... аа... руки! Так вот, а как это... рассказать так, чтоб... В общем положил на меня руки и всем весом как бы на меня ложится... Воот... И больно же! Боюсь, что и ребра мне тут сломает! Я начинаю на него кричать: «Дайте я сама, я лучше и без вас справлюсь! Вот. Поднатужусь и все, и рожу». «Нет! Тебе нельзя!» - он мне. Я говорю: «Нет, я быстрее сама рожу». В общем, мы еще и ругаемся, в это время лежим... «Я тебе сказал, дышать и лежать спокойно!» Я говорю: «Я не могу, мне надо вот один разочек, я знаю, что я один разочек и все!» Он там... и там говорят там, профессору этому, надавить на меня! Там... «Головка пошла!» Да, и я уже вот так вот вздохну глубоко и уже хочу тужиться, а он мне опять «Нельзя! Нельзя!» И я с ним ругаюсь! Короче, говорю: «Можно! Можно! Дайте один разок и все!» Короче говоря, не знаю, сколько мы там с ним воевали вот, но что сам факт, потом я девчонку из соседней палаты встречала и она мне сказала, что на первом этаже было очень хорошо слышно всем! Что ты там кричала, и профессор на тебя кричал... Воот... И потом еще спрашивает: «Чего ты там кричала?! Чего ты там возмущалась?» Ну и короче говоря, все-таки рождаю.

Жена милиционера сидит неподвижно, словно в трансе. Милиционер стоит неподвижно, словно в трансе, улыбается. Саша легонько толкает жену милиционера, та падает с лавки. Саша удивлена, подходит к милиционеру. Милиционер не реагирует на Сашу. Саша трясет милиционера. Милиционер превращается в швабру. Саша пытается сломать швабру. Звучит песня «Кораллы» группы «Мумий Тролль». Выбегают шимпанзе. Шимпанзе бегают вокруг Саши, издеваются над ней. Саша отбивается от шимпанзе шваброй, кричит. Жена милиционера поднимается, идет к Саше, расталкивая шимпанзе.

Жена милиционера. (к Саше) Я вижу, что вы очень хороший, добрый человек. Мне тоже в свое время нужна была помощь... Возьмите, позвоните по этому номеру (протягивает Саше визитку).

Саша берет визитку, отбиваясь от шимпанзе. Одна из шимпанзе набрасывается на Сашу, валит ее на пол, целует, пытается изнасиловать. Саша отбивается, царапается; царапает шимпанзе морду. Морда шимпанзе сползает под Сашиными ногтями. Под мордой оказывается лицо ее отца Ивана.

Иван. Что ты думаешь, батька тебе зла желает? Нет! Батька тебе только добра желает. Маленькая моя девочка... (целует Сашу)

Саша занимается с Иваном любовью.

Лето. Ночь. Квартира Саши. Входит Саша, в одной нижней рубашке, садится на стул.

Саша. *(тихо)* Самое страшное, это для меня было признаться самой себе. Как бы сказать: Здравствуйте, меня зовут Саша, я алкоголичка, - мне было несложно. А вот признаться самой себе, этого я долго не могла. А! *(Отмахивается)* Еще стаканчик, еще стаканчик, еще... Я не буду, не хочу рассказывать, пересказывать весь этот ужас. Я хочу рассказать, может... Да! О самом счастливом, может быть, минутах в моей жизни, когда мне сказали: «Мама, вы родили!» И никто не пок... и главное никто не плачет! И никого мне не показывают. Я что-то аж струханула! Но прошло там минутки, там секунда, а мне казалось, что это минута... Плач! И вот так вот нога где-то, держат ааа... ребенка на руке, на ладони. Высоко приподнят! Ладонь, и там держат и показывают: «Вот ваш ребенок!» А ребенок красный-красный! Такой... красный-красный! И такой пухленький... Мне профессор говорит потом уже, говорил, что все-таки крупный плод! Три четыреста родился, а он говорил три сто. «Мамаша, где он у вас вместился?» - он у меня спрашивает. Воот... И подносят мне потом этого ребенка к глазам и спрашивают: «Кто?» Я говорю: «Девочка», и сама понимаю, что девочка та, которую я хотела и ай! Я прямо была такая счастливая! Воот... И короче говоря а я помню еще, что я проследила еще за малой, как они мне ее забрали. Они положили сначала мне ее на грудь, малая начала искать так смешно... А они так ищут эту грудь, по запаху как будто, как собачки маленькие. И вот так вот и приподымаются, пытается, но не получается на ручках этих маленьких, головка эта падает. Но как-то вот так вот по запаху и вот ротик так: ням-ням-ням; вот так вот, как птичка. Открывает тихонько, кушать хочет. А... потом ее забирают, и я смотрю, что с ней делают, а там ее уже начинают взвешивать и потом профессор мне говорит, что у вас там она три четыреста, мама! Рост там такой-то... воот... Начинают ее умывать, от крови отмывать. Профессор конечно спросил, как вы назовете дочку... Воот... И все, и просыпаюсь я не знаю где, и мне холодно, меня всю трясет и в каком-то темном помещении. И такое ощущение, что я в морге. Мне так страшно... Я не понимаю, где, и никто не идет, тишина гробовая... И не колотит меня ничего и тоже думаю: неужели я померла и никто об этом не узнает, вернее, все думают, что я умерла, а я совсем живая. И тут приходит, прибегают девочка, та вот, которая была в соседней палате, с которой мы разговаривали, и говорит: «Доброе утро, Саша, доброе утро!» Включает свет, а на мне на животе ледяная грелка лежит, и я ее нащупываю. Это для того, чтобы матка быстрее, лучше сокращалась. Воот... И и а еще: «Мама! Я вас поздравляю, вас поздравляет ваш муж, с рождением ребенка!» Очень хорошо это запомнилось, мне это... А мне так от радости прямо аж сердце бьется и бьется, бьется и бьется, что есть у меня кто-то живой, кого я люблю... Она не придет сюда сейчас, она спит. И я уже тоже, пожалуй, пойду...

